<НИОР РГБ, ф. 93.II.8.122. Письмо Вс. С. Соловьёва к Ф. М. Достоевскому>

Многоуважаемый, дорогой Ѳедоръ Михайловичь, сейчасъ получилъ письмо Ваше и спѣшу Вамъ отвѣтить. Посылаю мою послѣднюю статью по поводу восточнаго вопроса. Къ моему величайшему удивленію часть ея съ большой похвалою была перепечатана въ «Новомъ Времени» — слѣдовательно Вы не совсѣмъ правы говоря только объ умалчиваньяхъ и насмѣшкахъ. Іюльскій «Дневникъ» (я это навѣрное знаю) производитъ сильное впечатлѣніе. Если еще не дурацкая пресса, то, во всякомъ случаѣ, общество начинаетъ желать откровенности и цѣнить ее — а это вѣдь самое главное. Я замѣчаю (и это не мечта моя) большую перемѣну въ воздухѣ. Поднявшійся восточный вопросъ повліялъ на всѣхъ насъ очень благотворно — онъ разбиваетъ ледъ той фальши, въ которую окунулось и общество и литература. Еще недавно говорить и писать въ извѣстной формѣ и объ извѣстныхъ предметахъ считалось стыднымъ и смѣшнымъ. Тщательно скрывалось все лучшее, простое и прямое, что только есть въ человѣкѣ. Теперь же эта ужасная узкость и рабство мысли по отношенію къ такъ называемому либерализму страшно надоѣли. Восточный вопросъ помогаетъ снимать душныя маски. И повѣрьте, что скоро даже тѣ люди, въ обществѣ и въ литературѣ, для которыхъ извѣстная маска была ихъ подлинной рожей, увидятъ, что эта рожа не въ ходу и

// л. 15

уже невыгодна и въ свою очередь надѣнутъ новую маску.

Разумѣется, быть можетъ и забудется услуга тѣхъ писателей, которые первые стали говорить откровенно, не заботясь о выгодности или невыгодности этого. Но все же ихъ примѣръ найдетъ себѣ подражателей и они будутъ способствовать къ окончательному отрезвленію общества. И этого очень довольно.

Еще разъ повторяю, что іюньскій «Дневникъ» дѣлаетъ свое дѣло — я каждый день слышу о немъ самые восторженные отзывы.

Надѣюсь, что Эмсъ, несмотря на всю свою скуку, поможетъ Вамъ и укрѣпитъ Васъ. На себя же я Вамъ стану очень жаловаться. Представьте, что я самый несчастный человѣкъ въ мірѣ. За полтора мѣсяца дачной жизни я потолстѣлъ; но при этомъ страдаю ужасно. День и ночь, безъ всякаго почти перерыву, у меня жестоко болятъ всѣ кости лица, шея и появляются опухоли. Затѣмъ, вотъ уже три недѣли какъ пухнетъ носъ съ сильной болью. Но и этого мало: приходится гнать на почтовыхъ заказанный мнѣ романъ, и, отъ усиленнаго писанья, у меня разболѣлись глаза. Не знаю, чѣмъ все это и кончится! Малѣйшее дуновеніе вѣтра, малѣйшая сырость усиливаютъ личную боль и флюсы.

// л. 15 об.

Становится жарко, лицо въ испаринѣ и простуда неизбѣжна. Попробую лечиться. А съ глазами просто гибну. Черезъ полчаса писанья почти ничего не вижу, а писать теперь приходится minimum по 1/2 печатныхъ листа въ день. Приходится и при свѣчахъ, такъ какъ днемъ все отрываютъ посѣтители — на дачѣ отъ

знакомыхъ, какъ и отъ мухъ, некуда дѣваться. Жена моя, которая усердно Вамъ кланяется и сердечно желаетъ Вамъ здоровья, начинаетъ замѣтно поправляться и отлично себя чувствуетъ. Мальчикъ мой уже бѣгаетъ и сталъ чрезвычайно забавенъ. Въ рѣдкія минуты улучшенія глазъ, носа и лица я радостно смотрю на міръ Божій. Но вообще всѣ эти, со стороны кажущіеся ничтожными, недуги доводятъ меня до отчаянья. Къ тому же я не имѣю возможности гулять и окончательно гибну.

Въ Петергофѣ думаю пробыть до 1го Сентября. Пуще всего желаю, чтобы мы съ Вами встрѣтились оба здоровыми. До свиданья

Вашъ всѣмъ сердцемъ
Вс<.> Соловье<въ>

21 Іюля 76 г.

// л. 16

У меня нѣтъ большихъ конвертовъ, а потому я разрѣзалъ статью и посылаю ее вамъ одновременно въ двухъ конвертахъ.

// л. 16 об.

<На конверте:>

Германія. Эмсъ.
Allemagne, Bad-Ems.
A Mr Théodore *Dostoyewsky*.
Poste restante.

<На обороте конверта поставлены штемпели:>
С. ПЕТЕРБУРГЪ
22 ІЮЛ.
1876

С. ПЕТЕРБУРГЪ
23 ІЮЛ.
1876